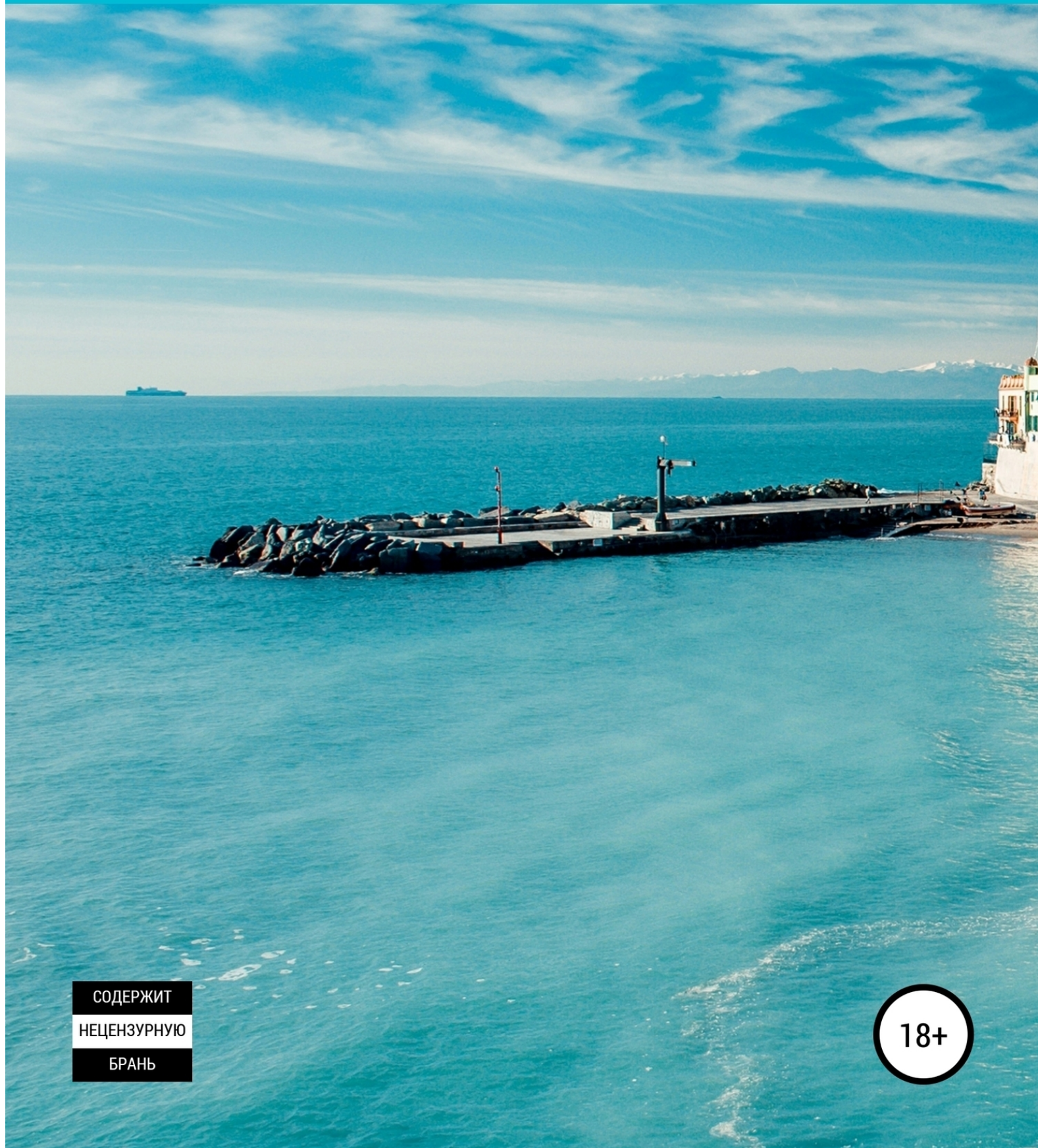

Юрий Михайлов

Наша Победа. Мы – её дети

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

Наша Победа. Мы – её дети

«ЛитРес: Самиздат»

2020

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

Наша Победа. Мы – её дети / ЮРИЙ МИХАЙЛОВ — «ЛитРес: Самиздат», 2020

75 лет Победы в Великой Отечественной войне... Для автора, как и для мальчишек и девочек, родившихся в год окончания войны, нет святее события. Мы были первыми ласточками времени, когда солдат уже реальной Победы начали отпускать домой долечиваться при менее тяжких ранениях и когда уже все знали, что скоро придёт весна, а там - на истерзанную землю опустится тишина и покой. Повесть - не мемуары с конкретными привязками по датам, именам, фактам, не очерки по поводу чего-то неординарного, произошедшего в нашей жизни. Новеллы - память о времени, друзьях, событиях, которые вдруг всколыхнули твою жизнь. И, может быть, они помогут читателю вспомнить что-то своё, самое сокровенное...Содержит нецензурную брань.

© ЮРИЙ МИХАЙЛОВ, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

1 – Сторож

Тяжёлое послевоенное детство, что там говорить: отец умер рано, я едва помню его. Каким? Большим, сидящим у окна с книгой в руках: он уже практически не мог ходить. Не помню, чтобы он ругался матом, не говорю уже о порках и наказаниях, поскольку в семье я был – самый младший, любимчик взрослых. В этой связи, как фильм ужасов, вспоминаю эпизод со сторожем на стройке, расположенной рядом с нашим домом. Инвалид без ноги по кличке Лобан, отсидевший срок за плен в начале войны, одинокий, злой и угрюмый мужик, погнался за мной, думая, что это я разбил из рогатки окно в готовом для заселения двухэтажном жилом доме. Я так бежал, что свой подъезд проскочил за считанные секунды, благо, дверь в нашу квартиру на первом этаже не закрывалась на день. Бросился под кровать, только колышущаяся занавеска из вологодских кружев (мама родом с Севера, из глухой деревни, прекрасно вязала крючком) выдавала моё присутствие там.

– Убью! – орал сторож, – надоело оставаться без получки! Что это за скотов мы нарожали!

Отец, отложив книгу на подоконник, встал и посмотрел на инвалида, на его деревянный, словно чурбан, протез, сказал:

– Здравствуй, Лобан... А как тебя по жизни-то зовут? Ты так орёшь, пытаешься запугать весь дом, что мне даже неудобно за тебя. Не надо гоняться за моим сыном. Я сам могу разобраться с ним, сам, понимаешь? Я – отец, слава богу, пока живой, вот только работать не могу, как ты, даже сторожем... Садись, поговорим, я чай заварю, хочешь настойки, на черноплодке, жена хорошо её делает?

– Владимиром меня зовут, – сказал непрощенный гость, – я в Белоруссии зоотехником работал, звался Владимиром Петровичем Лобаном... – он сделал ударение на втором слоге.

Они просидели вдвоём долго, дядя Володя поверил, что у меня даже рогатки нет, что я попался под "горячую руку" и только чудо спасло меня от неминуемого увечья. Мужчины пили настойку, потом чай, потом он плакал, говоря, что остался без семьи, которую фашисты расстреляли в деревне, и что его трое детей и жена зывают к отмщению.

– А кому мстишь-то, Володя? – спросил отец, – мне, инвалиду первой группы, или вот этим пацанам – несмышлёнышам, или женщинам, из-за работы не видящим своих детей от выходного до выходного?

Дядя Володя на самом деле говорил тихим голосом, путал русские и белорусские слова, сказал, что никогда не забудет доброту отца. Потом они достали географическую карту, искали расположение фронта и полка, в котором он служил и громил фашистов. И точку на Севере с названием – посёлок Киров, где он отбывал срок за плен, строил комбинат и потерял ногу. "Вот жизнь... – выругался он, – на войне – без царапины, а тут безногим стал..."

Сторож приходил к нам домой, минимум, раз в месяц, по воскресеньям, приносил детям подарки, отцу передавал бутылку спирта, чтобы настойка из черноплодки была позабыстрее. Женила его на своей подруге наша мама перед самой смертью отца, когда в посёлке открыли двухэтажный кинотеатр с мощными колоннами – "Спартак", который по выходным дням становился Дворцом бракосочетаний. Мы до сих пор дружим с двумя новыми детьми дядя Володи, хотя они лет тридцать, как переехали в Белоруссию и там схоронили отца на сельском кладбище недалеко от Минска.

2 – Сосунок

Помню, в возрасте лет восьми, наверное, я с братом мамы, дядей Колей, высоким, статным, ходившим после ранения с палкой в руках, шёл по колхозному рынку, перетекавшему в барахолку: мне выбирали шаровары, фуражку на весну и лето да тапочки, которые сегодня называются полукедами. В палисадниках у домов буйно зацвела первая сирень, 9-е мая был

рабочим днём, но все, даже природа, чувствовали, что пришёл праздник. В память врезалась длинная пивная с низеньким потолком, выкрашенная в ярко – синий цвет, куда мы зашли после покупки фуражки – "клинышком" и спортивных тапочек белого цвета. Здесь у дяди было много друзей. Он пил пиво из тяжёлой полулитровой кружки, смешно сдувая пену на пол, а продавец, высокая полная женщина с ярким красным ртом, дала мне два пряника, типа тульских, налила стакан "Дюшеса" и к столу мужской компании подвинула табурет, который на полметра был выше скамеек. Один вертлявый парень, явно хотевший, чтобы его заметили мужики, сидящие за столом из толстых тёсаных досок, стал ко мне приставать, обзывая сосунком:

– Ну что, сосунок, баб уже зажимал, ха-ха-хиии? Как они тебе? – и всё хихикал, поглядывая на мужчин, – а вот посмотри, что у меня есть, – полез в грудной карман полупальто, достал какой-то пакетик серого цвета, стал им трясти перед моим носом, – вот скажи: "Хайль, Гитлер!" и получишь резиновый шарик, а? Согласен? Давай, говори!

– Отстань, сопляк! – громко и резко сказал дядя Коля, – не видишь, дитя ещё!

– А я что... Я просто хотел показать грызуну гандон в действии, ха-ха-хиии...

Удар палкой по шее свалил парня на грязный пол, дядя Коля щёлкнул протезом, резко встал со скамейки. Все загалдели. Солдат в гимнастёрке с погонями и медалями на груди, сидевший в инвалидной коляске, придвинутой к столу, сказал:

– Не связывайся, Николай... Не трожь г... оно и не воняет! Вот племя растёт: от войны ушли, и жизнь им ума не добавила... Ребята, уберите его на улицу, – обратился он к соседям по столу.

Я, конечно, точно не помню слов, сказанных здесь людьми, но слова "Хайль, Гитлер!" и "гандон" врезались в память. И помню также, что это были неупотребляемые в семье дяди Коли слова, где росли и девочки, и мальчишки. И ещё: я вдруг почувствовал такую сильную защиту не только от своего дяди, но и от остальных мужчин, пришедших в день Победы в пивную пообщаться с фронтовыми друзьями, что сегодня уже точно могу сказать – детей в ту пору в обиду не давали.

3 – Баня

В субботу был обычный рабочий день, народ отдыхал – в воскресенье. Утром в выходной в семьях планировался поход в баню, и мы, трое-четверо пацанов одного двора, по-быстрому поев хлеба с молоком, бежали за два квартала к банно-прачечному комплексу. Его построили недавно, учитывая многочисленные просьбы жителей посёлка, хотя к блочному двухэтажному жилью подведены и вода, и канализация, и, естественно, было своё печное отопление и отдельные кухни, но строилось всё сразу после войны так быстро, что пока обходились без душевых комнат. Да ещё и бараки, охватывающие гигантский комбинат кольцом, добавляли посетителей бани.

У нас, мальчишек, занимавших с утра очередь в мужское отделение, было приподнятое настроение: здесь можно повидаться со всеми соседями, поскольку помывочный зал с раздевалкой мог вместить только сотню человек, стояние в очереди затягивалось на пару часов. За это время отцы успевали постричь детей "под нулёвку" – наголо, напоить лимонадом "Дюшес", накормить пряниками или печеньем в упаковке, а сами – брились опасной бритвой у виртуозов-мастеров. Курилку в виде выкрашенной синей масляной краской бочки устроили прямо при входе в баню, с несколькими скамейками, на которых велись разговоры о войне. Боже мой, сколько рассказов удавалось послушать в этот период беззаботной мальчишеской жизни. И что особо надо отметить: до помывки и посещения парилки отцы и наши взрослые братья не пили ни грамма не только водки, но даже пива.

Как правило, пацаны нашего дома занимали очередь в первой двадцатке, поскольку мы располагались ближе всех к бане, не ссорились, сидели на скамейках или на ступеньках лестницы, спокойно поджидали отцов. Малышей детсадовского возраста мамы брали с собой в женское отделение, им несли отдельные тазики, большие простыни для вытирания, они, как правило, сидели на плечах или на закорках у отцов и старших братьев. Детских колясок в то время было мало, да и спокойнее сидеть на тёплых, сильных спинах мужчин.

В восемь утра на инвалидной коляске подъезжал дядя Петя, танкист, кавалер трёх орденов Славы, без обеих ног, двое мужчин брали его на руки и несли по лестнице на второй этаж. Его шкафчик неизменно был рядом с входом в помывочное отделение, он сам раздевался, опять мужики подхватывали его под мышки и несли на первые скамейки зала рядом с кранами горячей и холодной воды. На этих двух-трёх скамьях специально крепились спинки-держатели с ручками, неподалёку дежурил банщик в синих трусах и белой майке. Он наливал инвалидам с тяжёлыми увечьями воды в тазики, намыливал их мылом, тёр мочалками, смывал пену. Я всегда с содроганием сердца смотрел на обрубки ног, рук, но ещё страшнее выглядели рубцы на животах или там, где пульсирует кровь под синей тонкой кожей – на местах вырванных кусков мяса на спинах, ягодицах и бёдрах мужчин. Они же смеялись, шутили друг над другом, рассказывали анекдоты, но, правда, старались, чтобы дети не слышали похабные истории.

На полусотне скамеек мылись жители посёлка, а уже потом, с чистыми телами, шли к дверям парного отделения. Туда могло вместиться человек двадцать, хотя набивалось, нередко, больше. Пар поступал из труб, своей печи – "каменки" не было, но банные кочегары – не подводили: горячий воздух вырывался со свистом, его приходилось прятать в деревянные короба. На полках и на широкой лестнице из пяти ступенек изнывали от жары мужчины, многие колошматили друг друга берёзовыми или дубовыми вениками, сползали без сил на пол и буквально вываливались из двойных дверей. Такие процедуры повторялась, минимум, два, а то и три раза. Опять посиделки на скамейках пока восстановится дыхание, снова душ и можно выходить в раздевалку.

Отцы передавали младших школьников их старшим братьям, те мыли им головы, мочалками из липового лыка тёрли тела, затем включали для них воду в душевых кабинах. Потом мылись сами, а мы – рядом, пускали кораблики в тазиках с водой, играли с мыльницами и баночками, в которых хранилось мыло. В раздевалке, на скамейках, отцы расставляли кружки со свежим бочковым пивом, раскладывали вяленую и солёную рыбу, кто-то из мужчин прихватывал из дома бутылку водки, чтобы "пару бульков" плеснуть в пиво, но, по моим наблюдениям, это делалось крайне редко: в семьях с четырьмя-пятью детьми никогда не было лишних денег.

Правда, было несколько запойных мужиков, которые, начав с "граммульки", уже не могли остановиться. За ними, конечно, присматривали авторитетные работяги, тот же дядя Петя помогал навести порядок среди бывших фронтовиков. Но что они могли сделать? Ну, выгонят из бани, те пойдут по пивным, которых в округе было не меньше пяти. Иногда, правда, женщинам удавалось вовремя перехватить своих непутёвых муженьков, а дальше – разговор простой: дети висят на руках, жена толкает в спину пока не доведут отца до дома и не уложат спать.

У большинства рабочих комбината, особенно у женщин, было обострённое чувство ответственности, а, может, и страха за то, в каком виде пойдёшь завтра на смену, допустят ли тебя до станка и, не дай бог, если вылетишь с работы по 33 статье Трудового кодекса. Это похуже любого "волчьего билета": с такой записью в трудовой книжке нельзя было устроиться не то, чтобы на хорошую, но и на работу дворником.

Не помню, какой это был год, но тот день Победы точно выпадал на воскресенье. Отец уже практически не ходил, мама мыла его в большом корыте, на кухне, с раннего утра грея воду в бельевом баке и вёдрах. А мы со страшим братом пошли в баню. Конечно, я для него был обузой, хотя он не подавал виду: я-то у него один, а вот сосед над нами – Юрка Равин

– привёл с собой стразу трёх младшекласников – троглодитов. У их отца, дяди Семёна – сапожника, в воскресенье самая горячая пора, нет отбоя от заказов на ремонт обуви. Мама дала нам денег на бутылку лимонада и на два больших пряника, мы собирались полакомиться после баньки. Когда пришли в раздевалку, обалдели, увидев, что там творится. Разгорячённые мужички орали песни, чокались пивными кружками, по кругу "ходила" бутылка с водкой. И все то и дело поздравляли друг друга с праздником Победы.

Но здесь уже не было дяди Пети – танкиста, монтажников, ремонтников, токарей – элиты комбината, они ушли по домам, к семьям. Массовку крутили совсем незнакомые нам, мальчишкам, люди. Один из них, высокий, похожий на учителя из нашей школы, только без очков, кричал (дословно не помню, конечно, но типа того):

– Помянем героев на нашем кладбище! Они сгнивают в домах для инвалидов, мрут, как мухи, их тихо закапывают в братской могиле... И это после стольких лет, как мы победили. Идём на кладбище! По дороге заскочим в продмаг на мясокомбинате...

Мы сидели полуодетые возле своих двух шкафчиков на шесть душ, смотрели на решительных мужиков и ничего не понимали. Пока сообразили, что кто-то куда-то идёт, большинство из них ушли. Кладбище располагалось в километре от бани, если идти вдоль трёхметрового по высоте грязно – коричневого забора мясокомбината. Мы знали, что там хоронят многих солдат минувшей войны, тех, кто так и не смог подняться с больничной койки. Но мы не понимали, почему их надо поминать именно сегодня, в воскресенье, в самый банный день. Дежурный банщик, Сашка-Орган, которого звали так за любимую поговорку: "Органы всё видют, они разберутся" и который регулярно докладывал участковому НКВД о разговорах мужиков в бане, пояснил:

– Сегодня не просто воскресенье, сегодня – день Победы, – помолчал и добавил, – сдам смену и напьюсь вусмерть. Вот и помяну своих братков. А эти – с митингом, найдут на свою ж... приключения, думают, доносчики у нас перевелись...

Брат открыл бутылку лимонада, разломил на кусочки пряники, разложив их на подкладке куртки, сказал, не глядя на меня:

– Пейте-ешьте, пацаны, помяните погибших на войне...

Бутылки с красивой этикеткой "Дюшес" и пряников Равиным – младшим хватило ровно на минуту. Брат тогда посмотрел на меня, сказал:

– Зайдём в кино... Гулять так гулять: день Победы. У меня ещё есть заправка на бутылку лимонада, – и заорал в лицо дежурному банщику:

– Наш товарищ Берия вышел из доверия,

А товарищ Маленков надавал ему пинков...

Я не был на нашем старом кладбище в день открытия памятника воинам – освободителям от фашистской чумы, которое приурочили к 20-летию Победы, служил в Советской Армии. В тот год праздник впервые стал всенародным, с выходным днём в календаре и салютом. А когда вернулся со службы, через несколько лет, увидел демонстрацию: столько народу шло на могилы воинов, умерших в госпиталях и домах инвалидов, которые были созданы в нашем тыловом городе. Так случилось, что светлое воскресенье – Пасха совпало с днём Победы. Люди поздравляли друг друга с двумя Великими Праздниками. Во всяком случае, для моих земляков и нашего народа, якобы атеиста в те времена, это были и есть самые светлые и великие праздники на земле.

Бетонная труба была гигантской, поэтому большую часть её строители закопали в землю. Она выходила из-под такого же грязно-серого бетонного забора, огораживающего ТЭЦ (теплоэлектроцентраль) в несколько километров по периметру. Горячая вода неслась от котлов, работающих двадцать четыре часа в сутки, клубы пара застилали всё приречное пространство, поток не успевал остывать и уже из деревянного короба, как бы надетого на трубу, вырывался в прибрежные заросли. Поначалу в реке на два-три года исчезла всякая живность, но потом – ничего, привыкли обитатели к теплой воде: разрослись осока и камыши, в них нежились откуда-то появившиеся карпы, последнего пойманного брата Серёгины тащили домой, привязав за жабры к двум толстым слегам. Когда замерили добычу на крючке домашнего безмена, ужаснулись ещё раз – без малого, пятнадцать килограммов потянула рыбина.

Посредине трубы возвышался колодец с решёткой вместо крышки, закрывающейся амбарным замком. Раз в году, весной, когда котлы на ТЭЦ замирали на профилактику, к колодцу заявлялись рабочие, открывали сетку и по железным скобам спускались внутрь: проверяли прочность бетонных стен, очищали их от накипи и жёлто-грязных водорослей, которые спокойно росли в такой высокой температуре. Мужики в комбинезонах и высоких резиновых сапогах умудрялись пролезать до короба, где водорослей и тины было уже намного больше, лопатами счищали зелёную массу и сбрасывали её в воду.

Заядлые рыбаки – братья Серёгины, Анатолий и Всеволод, их отец – Кузьма, крыли рабочих отборным матом за порчу реки, говоря, что от окарины заразится вся живность, а карпы – станут уродами (тогда слово "мутанты" ещё не произносили). А мы, мальчишки, верили им, потому что не раз ловили карпиков, у которых отсутствовали хвосты. И знали: это не жертвы хищных шук, которые вообще не водятся в тёплых водах, это уродство самих рыбин, с которыми надо было теперь как-то сосуществовать.

Девятого мая 1955 года, в рабочий понедельник, троица Серёгиных вернулась с комбината, сытно отобедали в честь дня Победы, поспали час-полтора и пошли на реку за карпом. У них в посёлке был большущий кирпичный дом с тремя входами, где разместились со всеми удобствами дядя Кузьма с женой, старший сын Анатолий с двумя детишками и младший – Всеволод, поздно женившийся, но уже успевший обзавестись дочкой. Состоятельная, серьёзная семья была у сменного мастера Кузьмы Ивановича Серёгина, все это отмечали: сыновья всю войну артиллеристами били фашистов, вернулись целёхонькими, не считая сквозного ранения в грудь, которое получил Анатолий почти за год до заветной весны. Но держать его в госпитале не стали, отправили долечиваться домой. А летом вернулся и младший брат, отдохнул немного и снова пошёл работать к отцу, получившему бронь, как ценный специалист. У Анатолия в год Победы родился сын – Ваня.

Я жил рядом с ним, учился в одном классе. Мы с ним тоже были на реке в тот день, но карп не клевал, видимо, погода на ветер менялась. Я обрадовался, когда увидел ванькиного отца с вёслами в руках и дядю Севу с большим брезентовым чехлом, куда он складывал удочки. На водокатке они отвязали небольшую лодку, погрузились в неё и поплыли к нам, на противоположный берег, куда мы добрались по мосткам на деревянных лавах. Ванька совсем заскучал, оставил удочки, пошёл к трубе, которую несколько дней назад чистили рабочие. Не знаю, как получилось, но тяжеленная решётка на колодце оказалась без замка и сдвинутой почти на полметра. Мой друг решил погреться в горячей воде, разделся и полез в плавно кружащуюся воду. Она то поднималась почти на метр, то опускалась, таков был ритм сброса из ТЭЦ. Но я видел и не раз, как мощная волна вдруг выплёскивалась из решётки.

Наконец, очухавшись, я понял, что может случиться, но Ванька уже был в колодце. Бросив удочки в камышах, помчался к нему, приговаривая: "Боженька, удержи воду, не дай ей вырваться наружу..." Увидел, как дядя Сева, раздетый до трусов, спускался в довольно широкое, специально проделанное в дощатом коробе, отверстие, чтобы "попариться" в струях горя-

чей воды. Он, конечно, на меня не обратил никакого внимания: мало ли пацанов бегают по берегу реки.

А вода подняла Ивана, стукнула головой о толстые прутья решётки, он хотел ухватиться за верхнюю скобу, но не успел, поток мощно потянул его вниз. Я лёг на решётку, вытянул до предела руку, но её не хватило даже на половину расстояния до него. Буквально заорал:

– Брось скобу! Схвати мою руку, Вань... Ванька! – вода стала вращаться на месте в такой сильной воронке, что перекрутила худенькое тельце раза два или три. Наконец, гигантская пузырящаяся масса, лениво отфыркиваясь, упала почти до входа в горизонтальную трубу. И в эту же секунду нижний поток потащил за собой мальчишку. В следующее мгновение я увидел, как вода поднимается прямо на меня, лежащего на решётке. Выдернул руку из проёма, оттолкнулся и вскочил на колени: сил подняться на ноги у меня не осталось. Смотрел на воду, надеясь, что в ней вот-вот покажется голова Ваньки. Понял, ждать бесполезно, не цепляясь за скобы, прыгнул на землю, кажется, подвернул лодыжку, хромя, побежал к коробу, где видел дядю Сева. Хотел кричать, звать на помощь, но из груди несло какое-то шипение:

– Дядя Сева, дя-дя Се-ва... Ваньку за-со-сало в колодец... – размазывая слёзы и сопли по лицу, добежал до короба. Но в отверстии между досками мужчины не оказалось. Посмотрел на водопад, увидел, как с потоком воды в реку летит чьё-то голое тело, большое, не детское. А когда добежал до берега, дядя Сева уже кружил по водной глади. Вдруг он остановился, закричал:

– Толя! Плыви ко мне! Пацана смыло потоком... Он ударился о мои ноги. Ушёл на глубину!

У берега, в тихой заводи, на лёгкой двухвёсельной лодке сидел дядя Анатолий. Он моментально всё понял, начал снимать одежду, потом, отталкиваясь веслом от дна, оказался на стремнине, через минуту за борт лодки уцепился дядя Сева. Он буквально выкрикивал слова:

– Встань на колени! Чтоб не выпасть. Ищи его голову! Он должен выплыть... Хоть на секунду. Потом уже – не найдём.

– У них включены насосы на забор воды. Ты понимаешь?! Надежды нет... Его утащило к решёткам!

– Плыви туда!

– Лезь в лодку! Никуда не поплыву... И тебя потеряем!

Он помог забраться в лодку дяде Севе, потом я увидел, как они о чём-то разговаривают с дежурным на водокачке, как тот побежал в красное приземистое кирпичное здание, вернулся через минуту назад, залез в большую лодку и поплыл к водозаборным решётками. В руках у него был длинный багор. А до меня, наконец, дошло: утонул сын дяди Толи – Иван. Я, стоя по колено в воде, сложил ладони у рта, закричал:

– Это Ванька утонул! Я не смог ему помочь... Ой, мамочка... Он утонул.

Смысл моих воплей, кажется, дошёл до дяди Анатолия, он вдруг сполз на дно лодки, обхватил голову руками, и над рекой раздался страшный вой, перекрывший шум падающей воды.

Начали сгущаться сумерки, а две лодки кружили и кружили по водной глади, держась ближе к решёткам водокачки. Приехавшие водолазы, которых вызвал участковый милиционер, перенесли поиски тела мальчика на утро. Я был настолько раздавлен, испуган, что практически ничего не смог рассказать ни братьям Серёгиным, ни милиции, ни водолазной службе. Говорил только одно: Ваньку засосал колодец, закрутил в воронку и утащил в трубу. Водолаз сказал, что наполняемость трубы, идущей до деревянного короба, минимум, 80 процентов, поток проходит это расстояние за три минуты, плюс ужас, который пережил мальчишка... Закончил он словами:

– В реку он попал, скорее всего, уже мёртвый, – повернулся к Всеволоду, – а по дороге налетел на тебя... В общем, крепитесь, мужики. Какой же гад не закрыл колодец?! Пусть милиция разбирается: это преступление!

Я прибежал на реку рано утром, но тело Ивана водолаз уже нашёл метров на пятьдесят ниже по течению: его прибило к лавам, которые регулируют сброс воды во время паводков. Хоронили его всем посёлком, в школе в тот день отменили занятия в третьих и четвёртых классах: на 9-е мая мы учились, а в этот день уроков не было. Таким печальным запомнился мой первый в жизни юбилей.

5 – Миша-Лётчик

Дядю Мишу все звали Лётчик, говорили: иди не к кровельщику Мише, а к Лётчику. Так называли его и во дворе большого дома, и в бригаде строителей, и даже в конторе. И мало, кто знал, что всю войну он прослужил на аэродромах техником, обслуживал и истребители, и бомбовозы, и штурмовики. Им тоже, конечно, доставалось: фашисты бомбили наши аэродромы с остервенением, зная, что прикрытия у них нет. Но всё же техслужба – это не бои с врагом в воздухе, не вылет на бомбёжку в далёкий тыл, где гарантии на возврат не существовало.

Миша-Лётчик дружил с моим старшим братом, даже какая-то родственная связь с ним была: наши мамы, вроде бы, оказывались троюродными сёстрами, вышедшими из глухого района северной губернии. А брат только получил погоны старшего лейтенанта ВВС (военно-воздушные силы) и в свой отпуск нередко давал примерить форму Михаилу, без которого не обходилось ни одно застолье. После второй-третьей стопки водки, закусив селёдкой и винегретом, Миша-Лётчик тихо-незаметно овладевал аудиторией и начинал рассказывать о подвигах своего авиаполка. Брат мой, захвативший конец боевых действий в Северной Корее и познавший цену человеческой жизни, по натуре был добрейшим человеком, любил родственника ещё и как отчаянного человека – отца четырёх дочек. Когда его, боевого лётчика, убеждённого холостяка, Миша терзал: стоит ли заводить пятого ребёнка и будет ли гарантия, что родится пацан, тот сам провоцировал его на разговоры о войне, чтобы уйти от подобных вопросов. Он был моложе старшего брата и на фронт не попал.

Миша-Лётчик за небольшой отрезок времени стал рассказчиком – виртуозом. Он не просто рассказывал, показывал, играл роли за всех героев: женщины говорили кокетливо-писклявыми голосами, фашистам хотелось не просто дать в морду, но порвать их на куски, а его боевые товарищи – сплошь приятные и рассудительные люди. Закурив папиросу пролетариата – "Север", дядя Миша, как я привык его называть, засовывал её в угол рта, сощуривая то левый, то правый глаз, в зависимости от того, где находился окуроч, отодвигал стул от стола и, размахивая руками, показывал все перипетии воздушного боя.

Однажды, надрывно воя и выделывая ладонью петлю за петлёй, он пошёл на меня, сидящего на полу, пронёсся над макушкой головы, задев кончики волос. Я обмер от ужаса, вдруг заполнившего всего меня, наклонился назад и, потеряв равновесие, грохнулся на спину. В своеобразном кругу у стола сидело пять – шесть мужиков и ни один из них не то, чтобы засмеялся, даже не улыбнулся. Все понимали трагедию людей, на которых на бреющем полёте надвигался фашистский штурмовик. Брат поднял меня с пола, посадил на колени, ладонью, большой и шершавой, незаметно вытер слёзы, вдруг побежавшие из моих глаз, прошептал: "Не плач, братишка, мы раздавили гадину..."

И что удивительно: такие слова не воспринимали, как агитку, так думали простые люди, так они и говорили, вернувшись с войны. Я не слышал в рассказах фронтовиков, чтобы кто-то кричал: "За Сталина!", но "За Родину" – говорили многие, даже произнося эти слова, как тост на застольях. Много тостов было поминальных: у дяди Миши при бомбёжках погибло немало товарищей, он часто перечислял их по именам. Но, надо сказать, тоски и грусти было

немного, люди ещё не отошли от радости Победы, всем верилось в хорошее, светлое, хотя, как рассказывала мама, многих насторожила нехватка продуктов питания в 47 году. И конечно же, ступор, в который вошёл народ в марте 53-го.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.